

Современное искусство в контексте эстетического опыта

Виктор Бычков,
Надежда Маньковская

Эстетический опыт искусства как опыт глубинной коммуникации реципиента с произведением искусства на основе его сущностного признака – *художественности*, или опыт актуализации художественности произведения искусства реципиентом (погружения в него), существенно ограничен в пространствах современного искусства. Фактически отказавшись от эстетического качества (=художественности) своих продуктов, современные арт-практики сохраняются в маргинальном поле эстетического опыта только за счет того, что: а) имеют экспериментальный характер поиска новых средств выражения, часто далеких от собственно художественных; б) знаменуют собой некий глобальный переходный период от высоко-го искусства Культуры к чему-то *принципиально иному*, в частности к освоению искусством компьютерно-сетевой виртуальной реальности; в) всей совокупностью своих произведений выражают глобальный апокалиптизм нашей эпохи, некую надвигающуюся на человечество метафизическую пустоту небытия.

Ключевые слова: современное искусство, эстетический опыт, эксперимент в искусстве, апокалиптика, современный театр, перформанс.

Виктор Бычков. Мы уже не первый год ведем диалоги и даже триалогии¹ как о фундаментальных, так и о наиболее «горячих» проблемах современной эстетики, философии искусства, в том числе и новейшего. Сегодня я бы предложил обсудить достаточно актуальную и слабо проработанную тему «Современное искусство в контексте эстетического опыта». Что Вы на это скажете?

Надежда Маньковская. Думаю, что это интересно. Я готова и могу начать с вопроса, в какой-то мере риторического, но все-таки необходимого. Что мы в этом разговоре будем иметь в виду под соотношением «современного искусства» и «эстетического опыта»? Ведь не так давно мы достаточно подробно и основательно обсудили практически все основные компоненты последнего, включающего процессы творчества и восприятия, фазы этого восприятия и их содержательный смысл, от которого перешли к пониманию субъекта и объекта эстетического отношения².

Выяснилось, что эстетический опыт во многом зависит от эстетического объекта, в частности произведения искусства, которое, что существенно, должно обладать высокими эстетическими качествами, чтобы акт эстетического опыта мог состояться. И вот сейчас, я думаю, время перейти к современному искусству. Ведь не секрет, что многие его направления, если не сказать магистральная линия в нем, не признают никакого эстетического качества. Возможен ли эстетический опыт в связи с этим искусством? И что собственно мы будем понимать под «современным искусством» в этом разговоре?

В.Б. Я думаю, что поставленная тема сегодня крайне актуальна. Одну из существенных причин этого вы уже указали: отказ современного искусства от эстетического качества, т.е. художественности. Однако, прежде чем перейти к разговору о современном искусстве, я напомним, как классическая философия искусства понимает собственно *искусство*, в чем видит его сущность, ибо сегодня понятие искусства, как мы знаем, размыто до предела. К сожалению, далеко не всем даже искусствоведам ныне известно, что сущностным принципом искусства, его главным критерием является *художественность*³. А суть художественности искусства, понимаемой как эстетическое качество произведения искусства, заключается в такой формально-содержательной организации произведения, которая инициирует у реципиента полноценный процесс эстетического восприятия, или, по-иному, событие эстетического опыта. При этом искусство осмысливается как квинтэссенция, концентрация эстетического опыта человечества того или иного этапа культуры в интерпретации конкретно-го художника. Под *эстетическим* же классическая философия искусства понимает по возможности оптимальный опыт всеобъемлющей гармонизации и анагогической (от греч. *anagoge* – возведение, возвышение) ориентации человека при восприятии им произведения искусства, свидетельством осуществления которого является духовная радость, высокое удовольствие, эстетическое наслаждение, испытываемое реципиентом в момент восприятия. Именно поэтому художественность на метафизическом уровне является единственным сущностным принципом и критерием подлинности искусства, какие бы исторически обусловленные формы произведения искусства ни принимало. Отсутствие художественности свидетельствует, что перед нами не искусство, а что-то иное. В этой связи эстетический опыт искусства, т.е. опыт актуализации художественности произведения искусства в момент его эстетического восприятия становится важнейшим критерием отнесения произведения к пространству именно искусства, а не чего бы то ни было иного. Не будем забывать, что и вся история искусства была в Новое время выстроена специалистами, обладавшими высоким эстетическим вкусом, именно по принципу художественности. Шедевры искусства всех времен и народов, хранящиеся в крупнейших музеях мира, – это прежде всего *высокохудожественные*

произведения, т.е. обладающие высоким эстетическим качеством. Именно поэтому разговор о современном искусстве в ракурсе отношения его к эстетическому опыту, или о возможности и аутентичности эстетического опыта современного искусства, крайне актуален.

Соотношение современного искусства и эстетического опыта носит амбивалентный характер: и противопоставления, и стягивания, протягивания рук, наведения мостов, соотнесения, — да и глубинного вопрошания: что и как? Это — не «или — или», однозначно. А вот «что и как» — в этом я и предлагаю попытаться разобраться или хотя бы наметить пути подхода к интересной, на мой взгляд, и уж точно неоднозначной проблеме.

Под «современным искусством» я бы предложил понимать магистральную линию развития арт-практик со второй половины прошлого столетия, которая активно поддерживается, раскручивается, пропагандируется, финансируется современной арт-номенклатурой⁴ (кураторами, галеристами, аукционистами, директорами музеев современного искусства во всем мире и соответствующим бесчисленным отрядом искусствоведов). Образцы этого искусства практически полностью захватили в последние полстолетия такие репрезентативные международные художественные площадки, как Венецианская биеннале, «Документа», «Манифеста», Берлинская биеннале, Московская биеннале и т.п.

Н.М. То есть вы к современному искусству относите только визуальные искусства, репрезентирующиеся в современных художественных музеях и на соответствующих выставках? И исключаете музыку, театр, кино и другие виды искусства?

В.Б. Нет, конечно, но я предлагаю все-таки определиться с названием «современное искусство», опираясь на визуальное искусство, поддающееся музеефикации. Оно берет начало от поп-арта и концептуализма (а уходит еще к «Черному квадрату» Малевича, и в первую очередь к дадаизму), но практически полностью уходит от живописи и плоской поверхности в пространство инсталляций, акций, перформанса. Собственно, именно это искусство и понимается чаще всего сегодня в искусствоведческой среде под термином «современное искусство». Именно в нем — я обычно называю его *арт-практиками*, чтобы хотя бы в русскоязычном пространстве отделить его все-таки от *искусства* в классическом понимании, — наиболее радикально проявились все главные черты неклассики, неклассического искусства, во многом отказавшегося от всех сущностных принципов классического искусства, в том числе и от эстетического качества — художественности. Именно опираясь на это «современное искусство» мы с вами в свое время выявили основные принципы неклассической эстетики (все-таки *эстетики!*)⁵. При этом я отнюдь не хочу исключить из пространства нашего внимания и остальные виды искусства, которые вслед, а иногда и одновременно с визуальными (не совсем точный термин, но ясно, что имеется в

виду) искусствами проводили и проводят радикальные эксперименты на своих площадках, со своими языками арт-выражения.

Кроме того, к современному искусству (арт-производству) относятся и медийно-сетевые арт-эксперименты, типа фото- и видео-инсталляций, компьютерного и сетевого искусства самых разных толков, о которых мы с вами говорим в самом современном разделе постнеклассической эстетики — *эстетической виртуалистике*⁶. Однако вот этот вид нарождающегося так называемого медиа-арта я бы пока оставил в стороне. О нем может и должен идти особый разговор. Здесь я хотел бы ограничиться только «неклассическим искусством», которое, хотя и является все еще современным, но имеет уже более чем полувековую историю и, как мне кажется, пришло к своему завершению, передавая эстафету именно медийным арт-практикам. Оно практически все лежит перед нами как на ладони, и о нем уже можно говорить как о своего рода неклассической классике, уже существенно музеефицированной. Даже некоторые залы Третьяковки отданы под это искусство.

Н.М. И таким хитрым риторическим приемом вы, сторонник и ценитель подлинно высокого классического эстетического опыта, хотите подтянуть к нему и «современное искусство»? Да вы же только что сказали, что оно отказалось от самой сущности искусства — художественности и поэтому вроде бы вообще не имеет даже права называться искусством. Вы его так и не называете, именуя арт-производством. И при этом полагаете, что применительно к нему тоже можно говорить об эстетическом опыте?

В.Б. Ну, скажем, о специфическом эстетическом опыте — неклассическом, коль скоро мы с вами долгое время все-таки занимались неклассической эстетикой. И это, конечно, проблема, у которой, на мой взгляд, есть несколько аспектов. Говоря в принципе и отталкиваясь от автоманифестации этого искусства в целом как *неискусства*, уходящего от эстетического качества, игнорирующего его и не знающего его, мы почти однозначно должны сказать, что эстетический опыт и современное искусство ничего общего друг с другом не имеют. И мы можем сходу назвать десяток имен, ярко представляющих эти арт-практики в истории самого современного искусства, с которыми действительно трудно связать классический эстетический опыт. Это и знаменитый Йозеф Бойс, и Марина Абрамович, и Ребекка Хорн, и тот же наш земляк — поздний Илья Кабаков. Да мы о многих из них неоднократно говорили в наших «Триалогах» и часто именно в этом контексте.

Н.М. Если иметь в виду шкафы с объедками и массой старых утилитарных вещей Йозефа Бойса в Дармштадтском музее, о чем Вы не раз упоминали в наших беседах, или верхний этаж последней выставки Ильи Кабакова в Мультимедиа арт музее в Москве, который был полностью за-